

И. Ю. Кукса

Калининград, Россия

**СИНТАКСИЧЕСКИЕ ЭКСПЛИКАТОРЫ
АВТОРСКОЙ МОДАЛЬНОСТИ
В ГАЗЕТНОМ ТЕКСТЕ**

(на материале «Санкт-Петербургских»
и «Московских ведомостей» XVIII в.)

I. Yu. Kuksa

Kaliningrad, Russia

**SYNTACTIC EXPLICATORS
OF THE AUTHOR'S MODALITY
IN THE NEWSPAPER TEXT**

(based on "Sankt-Peterburgskije Vedomosti
(The Saint-Petersburg Bulletins)"
and "Moskovskije Vedomosti (The Moscow Bulletins)"
of the XVIII century)

Аннотация. На материале первых российских газет рассматриваются стандартные средства выражения модальных значений на уровне синтаксиса, устанавливается их роль в экспликации авторской позиции в период становления отечественной периодики, выявляются «взаимонаслоения» модальных смыслов.

Ключевые слова: модальность; авторская позиция; синтаксические экспликативы модальных значений; история отечественной периодической печати.

Сведения об авторе: Кукса Ирина Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент, первый проректор — проректор по учебной работе, зав. кафедрой речевой коммуникации и журналистики.

Место работы: Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта (Калининград).

Контактная информация: 236041, г. Калининград, ул. Чернышевского, 56.
e-mail: IKuksa@kantiana.ru.

Abstract. Based on the first Russian newspapers, the article investigates the standard means of the modal meanings expression at the syntactic level, states their role in the author's position explication in the infancy period of the domestic periodicals, reveals the "mutual combinations" of the modal meanings.

Key words: modality; author's position; syntactic explicators of modal meanings; history of domestic periodicals.

About the author: Kuksa Irina Yurievna, Candidate of Philology, Assistant Professor, First Vice-Rector for Academic Activity, Head of the Chair of Speech Communication and Journalism.

Place of employment: Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad).

Универсальность категории модальности проявляется в том числе и в разнообразии средств ее репрезентации на всех уровнях языковой системы. Значимость синтаксиса как сферы реализации модальности, в частности субъективной, неоднократно подчеркивалась учеными [см.: Белошапкина 1975, 1977; Ваулина 1988; Виноградов 1975; Волохина 2003; Попова 2003; Ляпон 1986; Немец 1989; Пуховская 1995; Старовойтова 2006; Солганик 2010 и др.]. Особенно акцентируется антропоцентрический характер «модального синтаксиса», поскольку «он изучает роль человека говорящего в языке» [Солганик 2010: 15]. (Под модальным синтаксисом, вслед за Г. Я. Солгаником, нами понимается «обширная область исследования синтаксических форм и конструкций с точки зрения субъективной модальности» [Солганик 2010: 14].)

Стремясь наиболее понятно и доступно донести информацию, выразить собственную идею или точку зрения, автор газетного текста естественным образом использует возможности синтаксиса, конструируя словосочетание / предложение / текст в соответствии с целевыми установками.

В данной статье рассматриваются типичные средства реализации субъективно-модальных значений на уровне синтаксиса, а также выявляется модальный потенциал некоторых синтаксических конструкций на материале первых российских газет второй половины XVIII в. («Санкт-Петербургские ведомости» и «Москов-

ские ведомости»). Поскольку «содержание категории модальности и формы ее обнаружения исторически изменчивы» [Виноградов 1975], такое рассмотрение открывает перспективы определения временной «закрепленности» средств репрезентации модального содержания, а также динамических изменений в их составе на этапе формирования и на протяжении эволюции газетного и газетно-публицистического стиля.

«Санкт-Петербургские ведомости», вторая российская газета, использовала те же источники информации, что и петровские «Ведомости», на смену которым она, по сути, пришла, а именно: европейские газеты и сообщения собственных корреспондентов, маркировавшиеся как «копии писем с...» или «перечень писем из...».

Тематически газета также продолжала традиции предшественницы: «пальму первенства» удерживали материалы новостного характера о событиях зарубежной и отечественной действительности (от «батальных» новостей о значимых военных событиях до извещения о чрезвычайных ситуациях — «трясении земли», эпидемиях, пожарах и пр.), придворная хроника (известия о значимых событиях жизни коронованных особ). При этом поток «гражданских» и даже бытовых новостей постепенно нарастает. Так, «Ведомости» сообщают об устройстве жизни за рубежом, о расширении торговли, о создании заводов (например, завода медной руды Акинфея Демидова), об изобретении новых сельскохозяйственных орудий труда, о со-

бытиях культурной жизни, о необходимости соблюдения чистоты в целях предотвращения эпидемий и пр. Кроме того, к сообщениям о внешних и внутренних событиях добавляются объявления о продажах, анонсы театральных событий, изданий книг и т. д.

Те же тенденции прослеживаются и в газете «Московские ведомости», начавшей издаваться с 1756 г. в качестве газеты недавно созданного Московского университета, что обусловило приток на страницы периодического издания новостей науки.

Исследователи также отмечают появление на страницах названных газет комментирования фактов, когда журналист, предлагая читателю новость, высказывал собственное мнение по поводу описываемых событий [Тарасова 2009: 24].

Обе газеты просуществовали до начала XX в. Столь длительный период обуславливает исследовательский интерес к ним и как к историческим первоисточникам, и как к источникам изучения становления и развития не только журналистики в целом, но и таких важных аспектов, как история периодических изданий, журналистских жанров, публицистики, способов выражения авторской позиции и формирования общественного мнения и др.

Будучи по сути своей газетами информационного типа, «Ведомости» XVIII в. вместе с тем выполняли, пусть и отчасти, вторую важную функцию журналистики — воздействующую, решали определенные политические задачи, пропагандировали внутреннюю и внешнюю политику государства, его мощь. Систематическое распространение информации официального характера во многом определяло «продвижение» государственной идеологии и организацию общественного мнения в пользу государственности, действий коронованных особ, военачальников и т. д.

Авторы газетных текстов по-прежнему анонимны, многие новости заимствованы из иностранной периодики, непосредственно авторское «я» в форме «я-предложений» (термин Г. Я. Солганика) не представлено. По сравнению с петровскими «Ведомостями» в предваряющих новости конструкциях, указывающих на источник информации, редуцируется глагол в форме настоящего времени 3 л. мн. числа (пишут, сообщают), значимыми при этом оказываются только место и время описываемых событий: *Изъ Санктпетербурга отъ 18 апреля* (в приводимых примерах здесь и далее используется упрощенная графика: буквы греческого алфавита «кси», «пси», «фита», «омега», «ук», «иже», а также старославянские буквы «ять», «юс малый», «юс большой» передаются соответствующими буквами современного русского алфавита), *Из Лондона отъ 22 марта*. Источник информации в большинстве случаев не персонифицирован и скрыт за известными неопределенно-личными формулами «из ... со-

общают» или пассивными конструкциями «получена ведомость», «получены следующие новости» и др. Непосредственный же создатель текста остается не представленным читателю. При этом анонимность не мешает авторам при отражении действительности осуществлять мотивированный отбор способов выражения «положения дел» в соответствии с неречевой задачей, формирующей и модальность текста. Коммуникативно-целевая ориентация текста, отражающего мир фактов и событий, зависит от установки автора, от его точки зрения. Эта точка зрения определяет, в числе прочего, и выбор лексико-грамматического материала, актуального для выражения интенции автора, его намерения. Для адресата же важен не только газетный текст как форма получения информации, но и декодирование заложенного в нем модального авторского отношения к сообщаемому [Зятькова 2003: 46].

В текстах первых российских газет связь семантических функций грамматических форм и конструкций с намерениями автора и с его коммуникативными целями обуславливает способность определенных форм в их взаимодействии с контекстом быть актуализаторами модальных смыслов и — шире — авторской модальности.

В качестве способов реализации конкретных субъективно-модальных значений на синтаксическом уровне, как известно, современные грамматики традиционно выделяют вопросно-ответные комплексы, побудительные, эллиптические, присоединительные, парцелированные конструкции, риторические вопросы, инверсии, повторы и др. Вместе с тем очевидно, что в условиях текста модальный потенциал обнаруживают и иные синтаксические формы и конструкции (например, сложные предложения). Более того, синтаксические конструкции в газетном тексте играют важную роль репрезентантов авторской позиции, которая может быть выражена и имплицитно, и эксплицитно в зависимости от намерения автора, жанровой специфики и функциональной направленности текста.

Из стандартно выделяемых современной грамматикой синтаксических средств репрезентации модальных значений в первых российских газетах достаточно широко представлена инверсия. Как известно, решающим при выстраивании словоупорядка в предложении становится его коммуникативная задача («Коммуникативная задача — это стремление автора подчеркнуть тот аспект содержания предложения, который является важным, существенным в данном контексте или в данной речевой ситуации» [Русская грамматика 1980: 190]), целевая установка автора, который считает необходимым сместить смысловые аспекты, акцентируя при этом наиболее существенное, по его мнению.

Чаще всего при инверсии авторы Санкт-Петербургских и Московских ведомостей располагают предикативно значимый член предложе-

ния в препозиции по отношению к подлежащему, актуализируя таким образом само действие. Ср.: *В сихъ дняхъ **получилъ** Его превосходительство **Господинъ Графъ Фонъ Вратиславъ** Цесарскои указъ* [СПбВ. 1728. № 1]; *Во вторникъ **прибыль** сюды **Светлеишии Принцъ Баденскии** изъ Рима* [СПбВ. 1728. № 1]; *Ко двору **прибыль** вчера изъ Гишпании **курьеръ** съ важными писмами* [СПбВ. 1732. № 27]; *Третьяго дня поутру **прошоль** на здешней болюи Неве реке **ледъ*** [СПбВ. 1732. № 29]; *Вчерашняго дня **получило** наше **Адмиралитеиство** нарочнаго куриера* [СПбВ. 1740. № 30]; *Сего месяца 18 числа **пришло** въ здешнюю гавань изъ Портмагона **судно*** [СПбВ. 1750. № 31]; *На нынешнихъ дняхъ **послано** не сколько **рекрутъ** въ полкъ Пиколомини* [МВ. 1756. № 1]; *Въ прошедшее воскресенье, то есть 21 числа сего месяца, **празднованъ** былъ при дворе **день рождения** ея Императорскаго Высочества* [МВ. 1756. № 2]; *После сего **ретировались** Австрийцы в Ауссигъ* [МВ. 1756. № 55]; *Съ пришедшими изъ Восточной Индии кораблями **получены** следующие **новости*** [МВ. 1760. № 27]; *Третьяго дня **прибыль** сюда Римско Императорской **Генераль Маиоръ Графъ Гамильтонъ*** [МВ. 1760. № 93]; *Въ Кракове **починивается** старыи Королевский **Дворецъ*** [МВ. 1787. № 32].

Основой подобных инверсионных конструкций является объективная модальность, которая преимущественно с помощью изъяснительного наклонения квалифицирует соответствующее «положение дел» с точки зрения его реальности в прошлом (чаще всего) либо в настоящем (реже). Преобладание форм прошедшего времени обусловлено спецификой подготовки и трансляции сообщений по печатному каналу распространения массовой информации в тот период: по понятным причинам они передавались с временным отставанием до двух месяцев, и об оперативности в современном понимании речь еще не шла.

Нередко в тех же целях смещения акцента на действие в конструкциях с сочетаниями «модальный модификатор + зависимый инфинитив» авторы выбирают препозиционное размещение инфинитива. Ср.: *Такое множество руды **сыскано**, что **надеятися можно** повсягодно около 1000 пудъ чистой меди **выплавить*** [СПбВ. 1728. №26]; *Но въ пользу христианъ **ничего получить** немогъ* [СПбВ. 1728. № 88]; *Число Волонтеровъ, которые свою храбрость при семь случаевъ **показать хотятъ**, на всякой день умножается* [СПбВ. 1732. № 30]; *И хотя Капитана тотчасъ **освободить хотели**, но онъ противъ того протестоваль* [СПбВ. 1750. № 31]; *Принцесса, его сестра, также въ толь благополучномъ состояниии **находится**, сколько того **желать можно*** [МВ. 1756. № 1]; *Решения сообщены **быть могутъ** на латинскомъ или на французскомъ языке* [МВ. 1756. № 1]; *О непри-*

*ятельскомъ уроне также точно **объявить не можно*** [МВ. 1760. № 92]; *Наконецъ **изспрашиваль** у Монарха повеления, какъ ему въ семь случаевъ **поступить должно*** [МВ. 1787. № 69].

Кроме того, изменение словоупорядка в соответствии с авторскими установками нарушает связь между модальным модификатором и зависимым инфинитивом за счет расположения их дистантно по отношению друг к другу при сохранении традиционной последовательности (модификатор + инфинитив). В этом случае логически выделяется дополнение. Ср.: *Некоторые **принуждены скорлупами** довольствоваться вместо того, чтобы ядра **находить*** [СПбВ. 1728. № 88]; *Но однакожъ комендантъ не хотель **воротъ** отворить* [СПбВ. 1728. № 88]; *Его Королевское Величество намерень вскоре **Министра** въ Дрезденъ **назначить*** [СПбВ. 1732. № 92]; *Для приращения оныя надлежало **о порядочныхъ монетныхъ дворахъ, о безопасности купцовъ и о добрыхъ мануфактурахъ** думать* [СПбВ. 1740. № 89]; *Означенными пунктами можно **древние златые времена** **восстановить*** [СПбВ. 1740. № 89]; *И нетъ надежды, что **можно в томъ помочь*** [МВ. 1770. № 91]; *...въ которомъ собрании **единогласно** все утвердили, что должно сему **требованию** противиться* [МВ. 1770. № 91]; *Герцогъ Виртембергъ-Штутгартский намерень **въ пользу торговли** заложить большую дорогу изъ Штутгардта въ Швабскую Галлу* [МВ. 1787. № 32].

Иногда одновременно используется и препозитивное расположение инфинитива, и дистантность частей составного сказуемого по отношению друг к другу. Ср.: *И **действие** догадку его такъ **подтвердило**, что отъ громовыхъ ударовъ **следующимъ образомъ охранить себя можно*** [СПбВ. 1752. 12 июня].

Такие конструкции интересны тем, что, помимо актуализации действия, их модальный рисунок усложняется значениями ситуативной (в иной терминологии — предметной) модальности, которые уточняют возможность, необходимость и желательность описываемого «положения дел». Акцент на действии закономерным образом придает газетному тексту динамизм, привлекая внимание читателя к событийно-процессуальным аспектам информации.

Иногда автору важно подчеркнуть не столько само действие, сколько детали: место, объект и др., — поэтому дополнение оказывается в препозиции по отношению к сказуемому. Ср.: *Токмо **та часть безъ повреждения осталась**, где Королевскии замокъ и магазейны обретаются* [СПбВ. 1728. № 88]; *О Панаме также слышно, что Агличане **и сие место атаквали*** [СПбВ. 1740. № 30]; *Походъ Французскаго флота за **немалое бесчестие нашему народу почитается*** [СПбВ. 1740. № 89]; *О бывшемъ недавно **трясении земли** изъ многихъ местъ **пишутъ*** [СПбВ. 1750. № 31];

Новаго Вержовнаго Везирия за ево тихость (...) всякъ почитаетъ [СПбВ. 1750. № 32].

Постпозитивное расположение определения по отношению к подлежащему или дополнению встречается весьма редко, при этом изменение словопорядка касается и стандартной последовательности «подлежащее — сказуемое», «сказуемое — дополнение». Ср.: *Въ прошлую Субботу предъ полуднемъ отправляль Папа самъ церемонию* [СПбВ. 1728. 2 апр. № 27]; *Тамо в Июле месяце Короля Швецаго ожидаютъ* [СПбВ. 1728. 2 апр. № 27]; *Награждения состоятъ изъ кофейника, двухъ подсвешниковъ и чайника серебряныхъ съ гербомъ Его королевскаго Высочества* [СПбВ. 1750. 17 апр. № 31].

Авторы рассматриваемых газетных статей нередко прибегают и к комплексному использованию инверсионных способов. Ср.: *Третьего дня полковникъ Фонъ Тренкъ прибыль к здешнему городу съ корпусомъ пандуровъ, а понеже мы сдаться не хотели, то началъ онъ по насъ производить пушечную стрельбу. Хочетъ кардиналь Косция отъ всехъ дель отстать* [СПбВ. 1728. № 1]; *И намерень онъ <принц Баденский> путь свои въ Туринъ и Парижъ воспрять* [СПбВ. 1728. № 1].

При трансформации обычного порядка слов происходит смысловая акцентуация коммуникативно значимых элементов синтаксической конструкции, обусловленная авторской интенцией.

Нечасты на страницах первых российских газет в период становления отечественной периодики такие синтаксические средства, как эллиптические конструкции, восклицательные предложения. Последние встречаются при передаче в газетных текстах чужой речи преимущественно в форме обращения к конкретному адресату. Ср.: *Дражайшая приятельница! Сожаления достойная Каролина!* [из письма подруги адресата о гибели ее возлюбленного на дуэли; МВ. 1787. № 32]; *Любезная моя жена!* [из письма мужа-самоубийцы; СПбВ. 1750. № 92].

Вопросно-ответные комплексы как средства репрезентации субъективно-модальных смыслов в исследуемый период также еще не сформировались в полном объеме, поэтому в классическом варианте (автор задает вопрос и сам же на него отвечает) практически не используются. Это может свидетельствовать о «недоформленности» и публицистического стиля, и системы создания диалогичности газетного текста XVIII в. и — шире — о процессе формирования оптимального для газет синтаксического строя. Вместе с тем прообразы вопросно-ответных комплексов обнаруживаются на страницах «Ведомостей». Ср.: *Члену Областнаго Багарскаго Совета, Г. Юнгу, предложень быть от Г. Франциса вопросъ: почему Областные Советы въ 1782 году отменены? Юнгъ же ответствовалъ, что подлинная причина достоверно ему не известна; а естли судить по вероятности, то должно заключить, что пе-*

ремена оная сделана единственно для возвышения власти Генераль-Губернатора [МВ. 1787. № 32]. Это фактически репортажная запись диалога, состоявшегося между двумя лицами, свидетелем которого был автор газетного текста. С помощью вопроса автор привлекает внимание читателей к проблеме или ситуации и сообщает уже известный ему ответ, в котором представлено чужое мнение.

В других случаях автор, информируя читателя о постановке вопроса, извещает об отсутствии внятного ответа. Ср.: *Вчера же предлагаль Г. Францис, не угодно ли будетъ Парламенту, для выслушания прочихъ свидетелей по Гастингсову делу, составить особый Комитет. ... однако по сему предложению не определено ничего решительно* [МВ. 1787. № 32].

Вопросно-ответные конструкции не только служат способом диалогизации текста, но и полемически заостряют его, способствуя его «оживлению» и большей привлекательности для читателя.

Еще одно традиционное средство выражения субъективно-модальных значений — риторические вопросы, экспрессивный потенциал которых неоднократно подчеркивался исследователями [см.: Шатуновский 1989: 13; Рагозина 2008: 16]. Риторические вопросительные конструкции, сохраняя форму вопроса, перестают по воле автора выполнять свои прямые функции и становятся актуализаторами авторских мнений и эмоций. Ср.: *Ежели толь властительный Надворнаго Совета поступки сносить, то что воспоследуетъ впредь с вольностями и преимуществами Имперскихъ чиновъ, которыя они себе приобрели чрезъ свою кровь и имене?* [МВ. 1756. № 55]; *Девица Ж..., обиженная, обезславленная и изувеченная Гномъ Д... можетъ ли требовать себе безчестия и удовлетворения, соответственного обиде, нанесенной ей чести и лицу?* [МВ. 1787. № 69]; *Но кто можетъ обнадежить, долго ли сии благополучныя времена продолжатся* [СПб. 1750. № 31].

«Катализатором» модального смысла в подобных риторических конструкциях становится и вопросительная частица *ли*, формально призванная усилить сомнение автора, а по сути акцентирующая риторический потенциал текстового фрагмента. Модальная семантика двух последних примеров кристаллизуется с помощью экспликаторов значения субъективной возможности (модальный глагол *мочь* + зависимый инфинитив). Кроме того, во втором примере повышению экспрессии способствуют и контекстуальные синонимы-прилагательные (*обиженная, обезславленная и изувеченная*), являющие собой еще один риторический прием — восходящую градацию. В первом и последнем примерах те же функции усиления авторских эмоций выполняют оценочные прилагательные определения (*властительный, благополучные*).

С помощью таких предложений автор не просто диалогизирует текст (вопросы не требуют

ответов: благодаря стараниям автора они очевидны), но и побуждает читателя к соразмышлению, тем не менее направляя эти размышления в нужное русло: поступки совета сносить нельзя, девица имеет полное право требовать сатисфакции, никто не может поручиться за продолжительность «благополучных времен». Будучи уверенным в единственно верном и возможном ответе, автор приводит к нему и адресата.

Для усиления собственной позиции и одновременно формирования мнения читателя авторы газетных текстов прибегают к конвергенции традиционных способов выражения субъективно-модальных смыслов. Ср.: *Ибо что есть страшнее, яко то, когда кто действительные и важные дела смешно изображать? что худшее, яко то, когда кто 20 и большее число персонъ в одной квадрилле представляет? что есть обыкновеннымъ правиламъ въ рассуждении противнее, яко то, когда кто склонениямъ нрава надъ мудростию власть даетъ, и въ самомъ начале изменять, к какой партии он склоняется?* [СПбВ. 1728. № 88].

В приведенном фрагменте газетного текста основой модальной картины становится синтаксический параллелизм — тройной повтор одинаковых синтаксических конструкций. Повторы способствуют реализации воздействующей функции газетного текста, обеспечивая усилительно-выделительный, катализирующий результат. Сложноподчиненные предложения с придаточными изъяснительными и местоименно-соотносительными средствами связи «что..., яко то, когда кто...» к тому же имеют форму риторического вопроса, ответ на который автор преподносит читателю со всей очевидностью. От предложения к предложению автором воспроизводится не только структурно-содержательная модель, но и прием обратного порядка слов: сказуемое в придаточном оказывается в постпозиции по отношению ко всем членам предложения, замыкая его. Таким образом акцентируется не само действие, а объект этого действия. Усилению авторских эмоций служит и эксплуатируемая во всех трех конструкциях форма сказуемого (его именная часть представлена сравнительной степенью прилагательного) главного предложения.

При помощи подобной концентрации средств выражения субъективно-модальных значений в определенном смысле нарушается «баланс» в отношении объективности / субъективности в пользу последней. Целевой установкой высказывания становится не сообщение информации о фактах, событиях, явлениях действительности с точки зрения их реальности/ирреальности, возможности/необходимости/желательности, а выражение собственной реакции и мнения в яркой эмоционально-экспрессивной форме и убеждение читателя разделить и эту реакцию, и это мнение.

В целом же рассмотренные синтаксические средства не только становятся приемами диалогизации текста, привлечения внимания читателя, но и способствуют проявлению личностного авторского начала в текстах газет XVIII в., преодолению (в определенной степени) впечатления анонимности и безадресности социально значимой информации.

ЛИТЕРАТУРА

Белошапкина В. А. О модальности сложного предложения // Русский язык : сб. науч. тр. / Моск. пед. ин-т им. В. И. Ленина. — М., 1975. С. 44—52.

Белошапкина В. А. Современный русский язык. Синтаксис. — М. : Высш. шк., 1977.

Ваулина С. С. Эволюция средств выражения модальности в русском языке (XI—XVII вв.). — Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1988.

Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // В. В. Виноградов. Избр. тр. Исследования по русской грамматике. — М. : Наука, 1975. С. 53—87.

Волохина Г. А., Попова З. Д. Многокомпонентные сложные предложения как микроконтекст. — Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 2003.

Зятькова Л. Я. Субъективная модальность политического дискурса (на материале российских, британских и американских печатных СМИ) : дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2003.

Ляпон М. В. Смысловая структура сложного предложения и текст. К типологии внутритекстовых отношений. — М. : Наука, 1986.

Немец Г. П. Актуальные проблемы модальности в современном русском языке. — Ростов н/Д : Изд-во Ростов. ун-та, 1991.

Немец Г. П., Байкова Л. И. О прагматике модальности полипредикативного предложения // Прагматические и текстовые характеристики предикативных и коммуникативных единиц. — Краснодар : Изд-во Краснодар. ун-та, 1987. С. 13—18.

Рагозина Е. В. Модальность вопросительных предложений в современном русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Калининград, 2008.

Русская грамматика : в 2 т. — М. : Наука, 1980.

Старовойтова Н. В. Модальность сложноподчиненных предложений со значением обусловленности в русском языке XVII — первой четверти XVIII века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Калининград, 2006.

Солганик Г. Я. Очерки модального синтаксиса. — М. : Флинта, 2010.

Тарасова Н. А. История отечественной периодики XVIII века. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2009.

Шатуновский И. Б. Пропозиционные установки: воля и желание // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. — М., 1989. С. 156—167.

ИСТОЧНИКИ

СПбВ = Санкт-Петербургские ведомости // РГБ. Фонд газет.

МВ = Московские ведомости // РГБ. Фонд газет.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов

